

От корки до точки Евгений Лавренчук «прочитал» томским зрителям «Анну Каренину»

Точка киПения

Как можно передать то, что чувствуешь во время чтения книги? Можно ли пересказать авторский стиль или авторскую идею? Нет такого жанра, как художественное прочтение, видение книги. Но именно это произошло в Томском ТЮЗе на премьере спектакля «Анна Каренина. Апология текста».

Главную роль в спектакле играет Текст. По его воле двигаются актёры и музыканты, слова живут отдельной, независимой жизнью – причудливые интонации, смещение смысловых ударений, даже сама пластика актёров зависит от воли автора. Лавренчук захотел показать, как именно он понимает эту волю, магическую власть писателя над персонажами.

На чёрной зеркальной поверхности сцены читается концентрированный роман Л.Н.Толстого. Да, ни одно слово не было изменено. Более того – даже знаки препинания зазвучали. Помните, как после некоторых эпизодов, которые никак не могли логически продолжиться или хоть как-то завершиться, Толстой ставил многозначные «точки-точки-точки-точки». Объяснение Анны с мужем, весна в поместье Лёвина, смерть Николая Лёвина и другие эпизоды заканчивались этими до крайности напряжёнными и значительными высказанными многоточиями.

А начинается спектакль с зачитывания на английском языке анафемы графу Толстому, «отступнику и лжеучителю». Это задаёт ритм всему действию, а главное – тональность: церковь отрекается от утриванных христианских идеалов, провозглашённых Толстым, но непонятно плохо это или хорошо с точки зрения морали.

Итак, во время анафемы на сцене происходит перемещение актёров и музыкантов. Студенты Томского областного музыкального колледжа им. Э.Денисова играли свои важнейшие роли-партии ансамблем и соло. Музыка – неотъемлемая часть спектакля, но если музыканты чаще задают необходимое напряжение, чем успокаивают, то романсы, исполненные Верой Степанченко, вносят лирическое волнение, которое одновременно успокаивает душу.

Новаторство исполнения заключается в том, что каждый актёр, почти не расставаясь с книгой-программой, зачитывал реплики своего героя и отчасти авторские связки, подчиняясь тексту, не отступая от него, но выразительно его расцветивая. Так читает Долли (Марина Филоненко), захлёбывающаяся слезами обиды, так делает упор на весьма знакомые зрителям нетрадиционно-профессиональные интонации Адвокат (Юрий Коптяев), так Стива Облонский (Василий

Воротов) давится первой же репликой о счастливых и несчастных семьях, словно не может понять её смысла, точно показывая её нравоучительную фальшь.

Кроме расчленения и анализа текста, расщеплена даже сама Анна Каренина. Как истинная женщина, Анна состоит из нескольких типов личностей: Истинная Дама, стареющая кокетка (Марина Дюсьметова), Утончённая Метресса, элегантная соблазнительница (Анна Абраменко) и Нервная Принчипесса, которая вынуждена лгать во благо обществу и семье (Ольга Никитина). Это разделение на ипостаси даёт возможность узнать Анну изнутри и со всех сторон. Также это позволяет любоваться манипуляциями Анны, когда она сама читает «чужие» реплики и выходит, что весь разговор строился по её воле.

Из всего её окружения более всего от этого страдает Каренин – единственный живой, не рафинированно-готически, а очень по-человечески несчастный персонаж. Примечательно, что и тут режиссёр не удержался от выстраивания двойного дна и создания двоякого смысла: Каренина играет настоящий томский чиновник Андрей Александрович Кузичкин.

Вообще всё общество, все герои, за исключением Каренина, выглядят как-то inferнально. Особенную лепту вносят слуги - Милый Мальчик и Прозрачный Обвинитель (Игорь Савиных и Владимир Бутаков), абсурдные ужимки которых сходны с бесовскими. Они весьма задорно и чарующе точно высмеивают сверхсерьёзный тон произведения-основы. Зритель любит, смеётся, но у него накапливаются всё новые вопросы. И вот...

Точка презрения

...это возмутительно! Неслыханное издевательство! Разве так можно потешаться над зрителями, женщинами, Толстым, да вообще над здравым смыслом?! – вопиёт один лагерь зрительского мнения уже после первого действия. Несложно догадаться, что противники новой трактовки, не принявшие эксперимента – люди-театралы, завсегдатаи и консерваторы. Они могут быть либералами по убеждениям, могут с высоты опыта – большей

частью это люди среднего и преклонного возраста – судить о многих вещах достаточно философски, но в театр они приходят воспарить душой, испытать катарсис, а тут им показывают томительную элегию извращённой эстетики и не дают расслабиться.

-Да, трактовка очень спорная, - замечают смущённые видом Лёвина, без штанов вещающего о «единении с народом», их оппоненты. – Но всё же это так завораживает – изящество, декаданс в поведении и внешнем виде героев, всё так непередаваемо красиво!..

Действительно, после сцены, где томные леди-Анны и Кити в шикарных шубах выходят, чтобы выкурить пару-другую сигар, приходишь к мысли, что и в современной жизни этика всё чаще заменяется эстетикой. Разве вызывают у нас такое отторжение фотографии и репортажи с мест трагедий, странные произведения искусства, словно замешанные на крови и психической ненормальности? Это стало практически нормой. Так почему бы не посмеяться над существующим положением вещей?

И Евгений Лавренчук издевательски смеётся. Над серьёзным зрителем, вдруг возмнившим себя знатоком изящного и нового, над актёрами, уводящими своим вживанием в образ от авторской мысли, над авторами гениальных произведений мысли, над ложью, над идеалом женщины, над декадентской эстетикой – над всем. А мы остаёмся в недоумении, что противопоставить этому – холодный анализ и самосовершенствование с исправлением ошибок, презрение или что-то ещё. Но неизвестно, кому возмездие.

Галина Веснина.